

УМИРАТЬ НЕ БОЛЬНО

– Да, любимый. Жду, конечно. Ну, и что там, на деревне Сарафановке теперича? Солнце-то поди уж рассупонилося, поскотина-то готова – Ира, дурашливо окая, наигрывала деревенский говор. – Я не знаю, что такое поскотина, – рассмеялась она. – У местных спроси, что-то из деревенского быта. Тебе там видней. Композиция плодородия удалась? А селянок с натуры рисуешь? Присмотрел, наверное, деревенских красоток. Все хорошо. Соня звонит. Часто. Я к Светке Бурковой иду. Она квартиру получила в наследство от тетки. Да нет, маленькая. Говорит: вся разбитая и раздолбанная. Не знаю. Расскажет. Да. Целую тебя. Уж ты, сокол ясный быстрее прилетай из Сарафановки-то, – Ира произнесла эти слова нарочито певучим голосом, рассмеялась и нажала кнопку отключения.

Положила телефон в сумку. «Ну, вот, осталось два дня ждать Сергея, – она продолжала счастливо улыбаться. – Надо Светке побольше еды купить. Сидит, наверное, опять на сигаретах и чае».

Зашла в ближайший от остановки супермаркет. В этом отдаленном окраинном районе города Ира была впервые. Попала в час пик, народу было много. Пристроилась с корзиной в конец очереди в кассу.

«Надо же! Вылитый Сергей со спины, даже ветровка, как у него» – Ирина бросила взгляд на мужчину в очереди.

Мужчина повернулся к кассе... Ирина окаменела. Это на самом деле был ее муж Сергей, с которым она, вот, только что, двадцать минут назад разговаривала по телефону.

«Не понимаю...»

Машинально двинулась за ним. Он вышел из магазина. Его машина стояла на стоянке неподалеку от супермаркета. В ней сидела...

«Деревня Сарафановка в соседней области... Восемь часов езды. Роспись клуба... Шабашка на месяц за сто тысяч... Работа день и ночь... Приезжать не смогу...», – земля под ногами закачалась. Ира оперлась о стену.

Слышала только один звук – бешено колотилось сердце – так громко, как будто оно заняло все внутри, и тело стало его оболочкой.

Не помнила, как добралась домой. Без сил рухнула на диван. В голове что-то безостановочно вращалось – обрывки фраз, вспыхивающие картинки. Жизнь, в которой она пребывала счастливой и любимой улетучилась. То, что осталось с ней, было бесцветным, незнакомым и нестерпимым. И оно продолжало распадаться, увлекая ее в бездну.

«Лучше бы я умерла – умирать не так больно».

Они встретились на втором курсе Академии. Шестого сентября. Ирина опоздала к началу учебного года и появилась в городе только пятого. Накануне подруга Светка Буркова сообщила, что у них в группе новенький – симпатичный паренек – демобилизовался из армии. И тут вдруг сердце ни с того, ни с сего забилося быстро и громко. Она вспомнила это потом, а тогда не придавала особого значения этому «знаку». С утра ей захотелось надеть что-

нибудь очень нарядное, ну, просто так. Из нарядного у Ирины было только одно серо-голубое, отчаянно короткое трикотажное платье с рюшами. Его и надела. О новеньком она забыла. Зашла в аудиторию, увидела незнакомое лицо: «А, солдатик! Ну, да симпатичный. Только невысокий».

Но Сергей сразу все понял об Ирине и себе. В рисовальном классе встал за мольберт рядом с ней.

Шар попал в лузу, туз побил короля, в кубике Рубика все стороны приобрели нужный цвет. Любовь обрушилась, как летняя гроза – внезапно и насквозь.

Ирина с изумлением открыла для себя, что присутствие Сергея влияло на плотность воздуха, насыщенность цвета, протяженность времени. Через полгода они поженились.

Ира любила рисовать портреты Сергея, его вещи: рубашки, записную книжку, бокал. Рубашка, висящая на стуле, источала свет, бокал с дымящимся чаем торжественно ожидал хозяина. Она будто ласкала вещи Сергея кистью: они выглядели на полотне ожившими, одухотворенными.

Преподаватель живописи, профессор Белугин, очень хвалил Ирину за эти работы. Однажды на просмотре картин сказал ей:

– Ирина Владимировна, вы – моя самая большая надежда. У вас талант безусловный.

Сергея Белугин хвалил редко в основном за хорошие замыслы, которые «не вполне реализованы». Ирина видела огрехи работ Сергея: в постановке фигур, в передаче жестов, распределении цветовых пятен. Подсказывала ему, мягко, как бы не всерьез. Он слушал ее, но по выражению глаз, чуть поджатым губам чувствовала его напряжение. Старалась не затмевать Сергея. Но работать вполсилы или намеренно плохо не могла.

Ее дипломную работу напечатал журнал «Художник». Она нарисовала вечерний город, одно окно многоэтажки увеличено, видно, что в колыбели, окруженный золотистым светом, лежит улыбающийся младенец. Устремившись к нему, по холодному синему небу над городом летит хрупкая юная мать. Она после работы: в одной руке у нее сумка с продуктами, другой она тянется к младенцу. Эту картину взяли на международную выставку в Голландию. Сергей не поздравил.

Как-то он работал над большой картиной «Шахтеры». Ира видела, что лица у шахтеров скучные, вся композиция вялая.

– Сереж, ну почему твои шахтеры такие скучные, будто их на лекцию об успехах животноводства загнали? – вырвалось.

Сергей молча плеснул белила на почти законченное полотно.

На следующий день Ирина позвонила своей тетке. Та работала большим начальником в системе ЖЭКа и не раз предлагала племяннице хорошее место:

– Ириша, гостинку сразу дадут, через два года квартиру получишь, зарплата будет нормальная. На это место – свистни – любой прибежит. А мы не свистим – своим даем. И картины твои никуда не денутся, вечерами будешь рисовать, – убеждала тетка. – Дочку пожалей. Тебе садик дадут, привезешь ее к себе.

Дочка Сонечка, действительно, уже год жила в другом городе у родителей. Ирина очень тосковала по дочери.

– Сначала я мать и жена, а потом художница, – объясняла Ирина свой уход в жилищную контору.

Это не выглядело убедительно.

С профессором Белугиным они встретились через пять лет на региональной молодежной выставке. Тогда впервые работы Сергея отобрали на столь представительную, так сказать, биеннале. Опираясь на толстую трость, Белугин рассматривал небольшой зимний пейзаж.

– Здравствуйте, Павел Семенович, рада вас видеть.

– А, Ирина, здравствуй. Где твои работы, не вижу?

– Моих нет. Здесь три работы Сергея.

– Видел эту мазню. Хоть бы цвет ему подправила, – Белугин был жёсток и прямолинеен. – Ты почему не выставилась?

– Я с Вами не согласна Павел Семенович.

– А, перестань! Тебе ли это не видеть! – Белугин снял очки и стал протирать их. – Почему ты не пишешь? Ирина, с твоим даром непозволительно пренебрегать живописью.

– Павел Семенович, я счастлива. Мой дар – любить. Сергея, дочку, Сонечку.

– Не переносу этот пафос. Значит, решила мужу служить? Это он должен был служить тебе, твоему таланту. Ты изменила своему дару! Это не прощается. Я тридцать лет преподаю в Академии. С трех мазков, фигурально выражаясь, вижу, что из студента выйдет. Из Сергея выйдет оформитель районных домов культуры. А ты, ты могла бы стать гордостью Академии. Твой полет по вечернему небу до сих пор там помнят.

Ирина закусила губу.

– Павел Семенович, я вас тоже очень люблю, – она чмокнула его в щёку и быстро вышла из зала, вытирая слезы.

Из тяжелого забытья вывел телефонный звонок. По времени должен звонить Сергей. «Якобы из Сарафановки». Сделать вид, что ничего не знает? Зачем?

– Иришка, как дела? – бодрый голос Сергея. – Чай с боярышником заварила уже?

– Я все знаю. Я видела тебя с ней в городе, возле магазина.

Ира не узнала свой голос – сдавленный, как из могилы.

Недолгое молчание.

– С ней? О! Дьявол! Ирина, я сейчас приеду. Дома будь. Будь дома!

Сергей появился через полчаса. Взглянул на жену – испугался: мертвенное лицо, потухший взгляд, сбившиеся комками волосы.

– Ириша, одевайся, поедem. В мою Сарафановку поедem. Сейчас не буду тебе ничего объяснять. Сама все увидишь.

У Ирины не было сил встать. Сергей стал бережно одевать жену.

– Вот, глупышка, испортила мне такой сценарий, я его уже три года разрабатываю. Теперь придется экспромтом. Не спрашивай у меня ничего, скоро все узнаешь.

Он вывел жену из дому, посадил в машину. Когда они въехали в какой-то отдаленный поселок в сосновом бору, было уже темно. Фары высветили небольшой дом с открытой террасой и верандой. Сергей вывел жену из машины.

– Ириша, через неделю у нас серебряная свадьба, ты помнишь это. Вот тебе мой подарок, – Сергей протянул Ирине бумагу в мультифоре. – По сценарию, я ее должен был перевязать золотой ленточкой, но...

– Что это?

– Читай. Это документ, который свидетельствует о том, что ты являешься владелицей этого дома. Ты ведь хотела, жить в доме под соснами. Кстати, поселок называется «Лесистый».

Ирина уставилась в бумагу невидящим взглядом:

– Ты со мной разводишься?

– Господи, Ирина! Я сочинил тебе про Сарафановку потому, что у меня денег не хватило на отделочников, пришлось все самому доводить. Здесь целый месяц с утра до вечера обшивал, шкурил, красил. Хотел успеть к серебряной свадьбе, сюрприз тебе сделать. Я это строительство еще три года назад начал. Мы с тобой, я и ты, будем жить здесь летом и зимой, если захотим.

– А та, в машине?

– Это же Танька Краснова, ты знаешь ее, дизайнер из Союза, я ее привозил, чтобы она мне интерьер набросала. По пути в супермаркет заехал, у меня продукты закончились.

Ирина будто прорвалась через мутную толщу воды к глотку воздуха.

– Знаешь, я чуть не сдвинулась...

– Ты мне такой сценарий испортила... – Сергей обнял жену. – Ну, теперь уж пойдем смотреть новую собственность.

Муж завел Ирину в просторную комнату. Пол был усыпан стружкой, посередине стоял грубо сколоченный верстак, в углу возвышался камин. Возле него Ира увидела мольберт. На нем стоял ее портрет.

– Тоже не успел закончить, – сказал Сергей.

Муж нарисовал ее в том самом серо-голубом платье с рюшами, в котором впервые увидел на занятиях в Академии художеств.

– Помнишь это платье? – удивилась Ирина.

– Еще бы!

Ирина заметила, что линии рук вышли жестковато, а фон слишком засинен.

– Затопим камин?

– Затопим. Правда, он пока еще дымит. Давай хоть расскажу тебе мой сценарий, раз уж он никогда не состоится.

– Расскажи.

– Должно было быть так: двенадцатого октября вечером я привожу тебя сюда. Горит камин. Твой портрет стоит на мольберте под белым полотном.

Накрыт стол: свечи, вино, фужеры. Ты спрашиваешь: «А что это под полотном?» – «Там хозяйка этого домика. Посмотри». Ты снимаешь ткань и видишь свой портрет. Делаешь мне замечания по композиции. И мы садимся за стол. Я дарю тебе...

Сергей осекся.

– Почему ты плачешь?

– Потому что я очень сильно люблю тебя. Знаешь, что я поняла сегодня?

– Что?

– Что умирать не больно – больно жить без тебя.

Сентябрь, 2011